

Буза
ГАМАУС

ИНТУИЦИЯ

ПРОТИВ

ИЗМЕНЫ

Лиза Гамаус
Интуиция против измены
Серия «СНТ "Дельфин"», книга 2

<https://litres.ru/73573818>

SelfPub; 2026

Аннотация

Женская интуиция — это единственная система распознавания лжи, которая работает без интернета.

Вхожу в дом. Тихо. Прохладно. Пахнет сиренью, которая стоит в вазах по всему дому. Вдыхаю поглубже. И тут же замираю. Показалось, что пахнет чем-то ещё. Чем-то неуловимо-непонятым. Чем-то, что не имеет права здесь находиться.

Содержание

Глава 1. Код	4
Глава 2. Два дня	14
Глава 3. Новость	25
Глава 4. Версии	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Лиза Гамаус

Интуиция против измены

Глава 1. Код

Женская интуиция — это единственная система распознавания лжи, которая работает без интернета. Не поспоришь. Только что пришло в голову.

Включаю левый поворотник, пропускаю встречный внедорожник, сверкающий на солнце намытыми боками, и поворачиваю на узкую, спрятанную в лесу дорогу, ведущую в наш СНТ «Дельфин». Указателя, как всегда, нет. То есть он есть, но его постоянно кто-то вытаскивает из земли и швыряет рядом. Кто точно этим занимается, мы пока не разобрались.

Сто пятьдесят домов, отстроенных преимущественно в начале нулевых, когда строили по тысяче квадратов и не думали о счетах за газ, а понятие «вкус» было где-то глубоко в нокауте, затерялись в Подмосковном лесу среди ёлок и орешника.

Проехав метров триста, упираюсь в ворота, глухие и высокие.

Охранник дремлет в будке. Я могу открыть ворота электронным ключом, не беспокоя спящего мужика, но спать на-

до дома, а не на работе, за которую ему платят. Сигналю. Мужик дёргается, как от удара током, и нажимает кнопку, по моему, не успевая открыть толком глаза. Пить надо меньше.

Время движется к обеду. Второй час. Час, когда приличные жёны уже позавтракали, закончили все утренние ритуалы и начинают свои раздумья. Наступает время томной тоски по несбывшемуся.

Въезжаю на территорию СНТ и качу по главной аллее. По обочине идёт полногрудая Митюхина из сорок второго дома, в косынке цвета кумача, завязанной сзади, на манер советских плакатов двадцатых годов прошлого века, где изображалась раскрепощённая женщина, приступившая к строительству социализма. Время сделало петлю, и разведёнка Митюхина строит теперь не социализм, а новый имидж для новых побед.

Киваю ей через лобовое стекло. Митюхина кивает в ответ. Можно притормозить и послушать очередную сплетню, но хочется поскорее домой. К сплетням я всегда успею. К тому же, сплетни в «Дельфине» такой же товар, как газонная трава — в достатке. Пропустить одну не критично.

Заезжаю во двор, ставлю под навес свою белую китайнку. Китайнка покорно замирает, довольная, что её наконец-то загнали в стойло. Поднимаюсь на наше просторное крыльцо с квадратными колоннами, отделанное гранитом и деревом.

На крыльце по обе стороны от входной двери стоят синие керамические вазоны со спускающимися голубоватыми де-

коротивными растениями, не помню, как называются. Дверь тоже синяя.

Дёргаю ручку по привычке — заперто. Достаяю ключ из сумки, вставляю в замочную скважину, проворачиваю пару раз и вхожу в дом.

Тихо. Прохладно. Пахнет сиренью, которая стоит в вазах по всему дому. Вдыхаю поглубже. И тут же замираю. Показалось, что пахнет чем-то ещё. Чем-то неуловимо-непонятным. Чем-то, что не имеет права здесь находиться.

Оглядываюсь и хмурюсь. Иду на второй этаж. Ноги сами несут. Быстро поднимаюсь по лестнице, даже не дотрагиваясь до перилл. Открываю сразу спальню — никого. Всё убрано, покрывало натянуто. Захожу в остальные комнаты, спускаюсь, проверяю весь дом, включая подвал и баню. Ничего подозрительного. А запах продолжает преследовать. Идёт за мной по пятам, как призрак, как невысказанное обвинение.

Бабский запах дорогого парфюма. Такой может намертво прилепиться к диванной подушке. Легко. Дня на три.

Подушки нюхать не хочу. Это уже слишком. Это значит признать, что я та самая жена из анекдота, которая ищет рыжие волосы на пиджаке мужа.

Мерещится, не иначе.

Если что, я никогда не доверяла Тихомирову на сто процентов, хоть и женаты уже двенадцать лет. Ни в начале, ни потом, когда родила двух девчонок, Дашу и Полю, одну за другой. Они сейчас с его матерью в Анапе. Пойман он не

был, но из подозрения не вылезает. Сейчас предъявить опять нечего, кроме запаха. Слабый аргумент.

Если бы меня спросили, на чём держится наш брак, в котором практически нет общих интересов, мы занимаемся совершенно разными вещами, наши немногочисленные друзья не пересекаются, а совместные походы на люди ограничиваются ресторанами и редчайшими вылазками в гости, буквально к двум-трём семьям, то ни я, ни он, ни кто-либо другой не нашёл бы вразумительного ответа.

Просто между нами существует притяжение неизвестной природы. Мне так кажется. Я частенько задумываюсь над этим феноменом. Физика, которую ещё не открыли. Тёмная материя семейной жизни. Мы не разлучаемся более, чем на неделю, но при этом постоянно ссоримся и можем не разговаривать целых два дня. Потом один из нас не выдерживает и идёт на мировую. И не обязательно Тихон. Я тоже могу подойти и промякутать своё «простити» ему в ухо, когда он сидит перед телеком, тупо пялясь в экран, где кто-то кого-то убивает или решает судьбы мира, собравшись в круг со своими собеседниками в костюмах.

После того, как обследовала весь дом, иду в кабинет. Это полностью моё пространство. Тихону кабинет не нужен, и он отдал эту комнату мне. Бизнес и всё, что с ним связано, он проворачивает в офисе в городе. Дома старается серьёзно делами не заниматься. Если ему надо уединиться, то уголков и местечек для этого достаточно и без кабинета.

А я как раз провожу в кабинете много времени. У меня редкая специализация — потребительская антропология. Я даже кандидатскую защитила. На зло Тихомирову, чтобы не называл мою работу «требухой». Крупные корпорации — автопроизводители, банки, девелоперы — нанимают таких специалистов, как я, когда не понимают, почему их «идеальный» продукт не покупает целевая аудитория. В моей визитке написано просто: «Исследователь трендов», без зауми. Чтобы не пугать людей.

Я благодарна этой профессии за то, что она даёт мне право быть наблюдательнее окружающих и приобрести некую сверхчувствительность к деталям: запахам, интонациям, мелким предметам, каждой пуговице человека, с которым общаюсь. А также замечать «культурные коды», которые не совпадают с кодом нашего дома.

Код дома: стабильность, сирень, тишина. Код, который я только что уловила: тревога, соблазн, чужое тело. То-то и оно.

То, что находятся люди, готовые платить за мои «исследования», Тихона особо не удивляет. Покупают же абстрактные картины, где отваливают за изображённые на них универсальные образы сотни миллионов. Он очень впечатлился, когда ему попалась в интернете статья про работу одного голландского художника, которую в 2015 году купили за триста миллионов долларов. Смотрел на неё внимательно на экране, но потом понял, что ничего там не высмотрит, и смыслы

искать надо в другом месте. В смыслы он вообще не очень умеет. Он умеет в бетон, в доски, в наличные. Строитель. Похоже, что успешный.

— Я хочу понять, почему люди в «Дельфине» ставят синие двери, как у нас, а Митюхина из сорок второго носит козынку, как в двадцатом году, — пыталась как-то я объяснить.

На что Тихон быстро и искренне ответил:

— Потому что Митюхина дура, а синяя дверь — это просто оригинальный цвет. И они с нас обезьянничают.

— Синий в массовом сознании — цвет стабильности и моря, которого нам не хватает. А козынка Митюхиной — это её подсознательная ностальгия по времени, когда всё было просто и понятно, и её полногрудая фигура была эталоном, а не поводом для стыда перед худыми любовницами.

— Это в двадцатые-то годы было всё понятно? — Тихон посмотрел на меня, подняв брови. — Не засоряй мне башку.

Пропасть между нами никуда не девается. Он живёт фактами и ясными картинками. Я — интерпретациями, как он говорит.

В кабинете сегодня не сидится. Воздух давит. Монитор смотрит на меня пустым глазом. Отправляюсь на кухню. Ставлю чашку в кофемашину, нажимаю на кнопку. Машина урчит, шипит и начинает молоть зёрна. И в этот момент звонит мобильный.

— Ванда, ты дома? — Голос Виктора, партнёра мужа по стройке. Обычно уверенный в себе, общается с лёгким на-

жимом, а сейчас звучит взволнованно и непривычно. Таким я его не слышала. — Тихон где?

— В городе, ты знаешь, — напрягаюсь. Моя профессиональная сверхчувствительность включилась моментально, как сигнализация. — Что случилось?

— Я зайду. Я рядом. Надо поговорить.

Я не успеваю ответить. Он сбрасывает вызов.

Виктор влетает в дом через пять минут. Не здоровается. Просто врывается, как будто за ним гонятся.

— Ванда, слава богу, ты дома. Тихон где? — спрашивает он, хотя только что слышал ответ.

— В городе, ты знаешь, — повторяю медленно, глядя ему в глаза.

Виктор мечется по кухне. Пуговица на рубашке застёгнута неправильно, на лбу испарина, зрачки расширены. Тело транслирует панику. Агрессию. Отчаяние. Мне это не нравится.

— Слушай... — он хватается за голову, сжимает виски ладонями. — Короче... Я не знаю, как это сказать. Я думал, я схожу с ума. Раиса...

Он давится воздухом, как рыба, выброшенная на берег. Я молчу, но уже знаю. С того самого момента, как уловила в доме чужой запах. Знаю с той секунды, как Виктор открыл рот. Но мне надо, чтобы он сказал это вслух. Чтобы слова материализовались и повисли в воздухе, между мной и этим мечущимся мужчиной.

— Моя Раиса, — выдыхает он, — последний месяц сама не своя. Телефон в руках, улыбается в экран без причины, по дому носится. То ли молодость вспомнила, то ли кризис какой, как я сначала думал. Короче, я влез в её телефон. Посмотрел переписку.

Чувствую, как холодок пробегает по спине. Мурашки и одновременно странное, почти неприличное облегчение. Значит, не показалось. Значит, это не паранойя, а просто рабочий инструмент, который зафиксировал сбой в системе.

— И что? — спрашиваю. Голос становится тихим, опасным, таким я не говорю практически никогда. Даже с Тихоном во время самых страшных ссор.

Виктор поднимает на меня глаза. В них всё: боль, злость, унижение, страх. И что-то ещё, чего не успеваю определить.

— У них там любовь, Ванда. У Тихона и Раисы. У твоего мужа и моей жены, — он выплёвывает это, как проклятие. — Месяц уже. Может, больше. Три. Я скриншоты скинул тебе. Фото. «Целую». «Скучаю». «Обнимаю». Детский сад, блин. Они в гостинице в области пересекались.

— В какой гостинице? — этот вопрос вырывается сам. Мне важно знать детали. Детали — это моя работа. В деталях прячется правда.

— В «Беседке», — выпаливает Виктор.

— А... — протягиваю я почти шёпотом.

«Беседка». Уютное местечко на Новорижском шоссе. Я проезжала мимо раз сто. Красивое здание, лес, камин, доро-

гие машины на парковке. Идеальное место для адюльтера. Никто не спросит лишнего. Никто не посмотрит косо. Тихон, значит, возил туда Раису. А мне говорил, что задерживается на объектах.

— Ванда! — Виктор почти кричит, возвращая меня в реальность. — Очнись! Я приехал к тебе, потому что одному мне не вывезти. Надо... надо их спасать от идиотизма.

Он замолкает. Сглатывает. И добавляет совсем тихо, почти неслышно:

— Или убить. Я ещё не решил.

Я медленно сажусь на высокий кухонный стул, потому что ноги перестают держать. Запах сирени смешивается с запахом пота Виктора и его отчаяния. Этот коктейль заполняет кухню, вытесняет кислород, становится трудно дышать.

Смотрю в окно. Идеальный газон. Идеально подстриженные кусты. Идеальный забор. Всё идеально. Всё как на картинке в журнале «Дом и интерьер». И только внутри этого идеального мира ползают черви.

«Не показалось», — опять повторяю про себя.

И почему-то именно сейчас, в этот момент абсолютного крушения, я вдруг отчетливо понимаю, что будет дальше. Что я сделаю. Что скажу. Как посмотрю на Тихона, когда он вернётся.

Я — исследователь трендов. Я изучаю паттерны поведения. Я вижу то, что скрыто от других.

— Рассказывай всё, — говорю я Виктору, не отрывая

взгляда от газона. — Каждую деталь. Каждое слово. Я хочу знать, с чем мы имеем дело.

Перевожу на него глаза. Виктор вздрагивает.

Глава 2. Два дня

Виктор уходить не хочет. Он не понял, какое решение я приняла. Потому что я его ещё не приняла.

Топчется.

Стою у двери, скрестив руки на груди. Поза, которая на любом языке тела, включая язык глухонемых и язык программирования, означает «до свидания, прямо сейчас».

— Ты ничего не предпримешь? — спрашивает он в пятый раз. Видимо, надеется, что с пятого раза ответ изменится.

— Я подумаю, — отвечаю. — Это пока всё, на что я способна. Иди домой. Следи за Раисой. Если она куда-то соберётся — напиши.

Я как будто раздаю команды этому огромному сорокалетнему мужику, что раньше мне и в голову бы не пришло. То есть я бы не осмелилась. Сейчас Виктор послушен, как пятиклассник перед директрисой в школе, которая застала его с сигаретой за спортзалом. Видимо, супружеская измена — отличный мотиватор для временного смирения.

— А если Тихон?

— Тихон в городе. Два дня, Виктор. Просто посиди тихо два дня. Не убивай никого, не сходи с ума, не делай глупостей. Договорились?

Он кивает, но по глазам видно: договорённость — понятие растяжимое. У таких людей, как Виктор, договорённости

с самим собой — самый хрупкий материал во Вселенной. Обещания бросить пить с понедельника бывают надёжнее.

Дверь за ним закрывается. Прислоняюсь к ней лбом и выдыхаю. Синяя дверь. Цвет стабильности и моря. Насмешка. Стучу по двери кулаком. Что происходит, вообще?

Возвращаюсь на кухню, варю себе ещё кофе, а остывший выливаю в раковину. Каждый раз, когда я выливаю остывший кофе, мне кажется, что где-то в мире плачет бариста. Жужжит телефон. Тихон.

— Привет, — голос обычный, деловой, без тени. — Я задержусь сегодня. Встреча с подрядчиком, сама понимаешь. Буду к девяти.

— Понимаю, — как не понять. Подрядчик, скорее всего, женского рода и пахнет тем самым парфюмом, который до сих пор щекочет мне ноздри.

— Целую, — говорит Тихон и отключается.

Смотрю на телефон. «Целую». Три месяца. Фото. «Скучаю». И теперь — «целую» мне. Виртуозно. Если бы не знала, что он лжец, считала бы идеальным мужем.

Или он не лжец? Подаёт голос профессиональный скептицизм. Или это я параноик? В моей профессии грань между здоровым анализом и клинической паранойей тоньше, чем волосок на бровях Митюхиной. Сдалась она мне.

Ситуация, в которой нормальная женщина места бы себе не находила, а я подозрительно спокойна даже для себя самой. Что-то не включается. Может, я в шоке? Может, шок

— это такая странная штука, которая делает из социолога философа-стойка? Или это кофе так действует?

Набираю Виктора.

— Тихон будет в девять, опоздает, — говорю без предисловий. — Раиса дома?

— Дома, — голос Виктора звучит глухо, как из погреба, в котором хранят соленья и трупы надежд. — Сидит в телефоне. Улыбается.

— Не души её.

— Я не душу. Я смотрю.

— Это называется «душить взглядом». Отойди от неё. Займись чем-нибудь.

— Чем, например?

— Не знаю. Посмотри кино. Почитай книгу. Сядь на велик. Иди яблони поливай. Начни новую жизнь.

Виктор отключается.

Продолжаю сидеть на кухне в полной тишине, которую нарушает пение птиц. Или даже не пение, а так, их буднич- ный диалог, обычное чириканье. Какое им дело до того, что мой муж трахал жену партнёра в гостинице «Беседка», пока я изучала потребительское поведение и писала стратегии для девелоперов. У птиц свои проблемы: червячки, гнёзда, конкуренция за самок. Чем не человеческая драма, только без ипотеки.

Ирония. Я изучаю людей, а не вижу того, что у меня под носом. Впрочем, под носом у меня как раз запах, который

я учуяла. Значит, вижу. Просто не хотела включать зрение. Мозг — удивительный орган: он способен игнорировать сигналы тревоги, если эти сигналы неудобны. Как пожарная сигнализация, которую отключили, потому что она мешала спать.

Ловлю себя на том, что уже полчаса сижу и смотрю в одну точку. Точка находится на стене и не даёт ответов. Возможно, точка — это метафора моей жизни: точка, из которой не исходят векторы, точка, в которой я застряла, точка, которую пора сдвинуть с места.

Займусь-ка я делом. Открываю ноутбук, захожу в свои рабочие файлы. Заказчик — сеть дорогих ресторанов — ждёт от меня анализа: почему их новое заведение в центре Москвы пустует, хотя вложили миллионы в дизайн.

Потому что люди ходят не за дизайном, — пишу в черновике. — Они ходят за ощущением, что их ждут. А у вас хостес смотрит на гостей как на бумажники с ногами. Или как на мужей, которых можно попробовать увести. Тут тонкая грань.

Про мужей решаю стереть. Потом пишу снова. Потом понимаю, что не могу сосредоточиться, потому что в голове крутится другое. Зачем Тихону это всё? Зачем рисковать? Раиса красивая, да. Но не настолько, чтобы ломать жизнь. Или настолько? Что я в ней не вижу? Может, у неё есть суперспособность? Например?

Ответа нет.

Переодеваюсь в домашнее, включаю телевизор для фона и валюсь на диван. По телевизору идёт что-то про любовь слонов. Какие же они огромные! А туда же. Слоны, блин, нашли время для любви. Выключаю телек.

В семь часов хлопает входная дверь.

Подскакиваю на диване, как ужаленная. Сердце начинает биться сильнее. Смотрю на часы. Семь. Не девять. Семь.

Он сказал — в девять. Почему он пришёл рано? Потому что встреча не состоялась. Почему встреча не состоялась? Потому что подрядчик заболел. Какой подрядчик? Тот, с кем он должен был встречаться. А если это не подрядчик, а Раиса? А если Раиса не смогла из-за Виктора, и поэтому он пришёл раньше?

— Ванда! — кричит Тихон из прихожей. — Ты здесь?

А куда я, блин, денусь из собственного дома?

— Здесь я, — отзываюсь, стараясь, чтобы голос звучал обычно. — Ты рано.

Тихон подходит к дивану, чмокает меня в макушку и направляется в ванную. Выглядит он обычно. Совершенно обычно. Рубашка чистая, волосы причёсаны, лицо свежее, довольное. Если бы я не знала, что он, возможно, изменяет, я бы подумала: «Какой же у меня замечательный муж». Если бы я не знала. Но я знаю. Или не знаю? Я *подозреваю*. И то — с трудом.

— Встреча отменилась, — говорит, выходя из ванной и направляясь на кухню.

Встаю и иду за ним.

— Что с подрядчиком?

— Заболел. Я подумал: чего торчать в городе? Поеду к жене.

— Какой примерный муж! — Фраза звучит нейтрально. Или нет? Сама не поняла. Может, это был сарказм? А может, искреннее восхищение? В моём голосе сейчас смешалось столько интонаций...

Тихон оборачивается, смотрит на меня внимательно.

— Ты чего? Голос странный.

— Устала. Рабочий день — ад.

— Бросай ты эту свою социологию, — говорит Тихон, открывая холодильник и доставая два помидора. — Живи как нормальный человек. Дом, сад, сплетни с Митюхиной.

— Сплетни с Митюхиной — это тоже социология, между прочим. Полевой материал.

— Ну да, ну да, — он не слушает. Он никогда не слушает, когда речь заходит о моей работе. Для него моя работа — это что-то вроде коллекционирования марок: непонятно, зачем, но пусть будет, лишь бы не мешало.

Ужинаем. Тихон рассказывает какие-то байки со стройки, смеётся, шутит. Киваю, вставляю «надо же» и «не может быть» в нужных местах, а сама смотрю на него и пытаюсь понять: он играет? Или это я играю?

После ужина Тихон убирает посуду в посудомойку. Он всегда это делает, это наш маленький ритуал. Хлопает крыш-

кой и произносит:

— Слушай, а давай сегодня?

Замираю с чашкой в руке.

— Что сегодня?

— Ну, — он подходит и обнимает меня сзади, уткнувшись носом в шею. — Давно у нас не было по-настоящему.

По-настоящему. Интересный выбор слов. А что было до этого? Ненастоящее? Имитация? Спектакль для соседей? И когда это «давно» началось? Три месяца назад? Когда появилась Раиса?

Чувствую его дыхание на своей шее. Там же, где, возможно, час назад была Раиса. Или не была. Или была, но не там, а, скажем, на мочке уха. Или её там вообще никогда не было, а это всё моё большое воображение, разогретое переизбытком «профессиональных» рассуждений.

— Я устала, — говорю.

— А я расслаблю, — он разворачивает меня к себе и целует. Давно так не целовал. Или целовал, но я не замечала? Внимание к деталям, Ванда, внимание к деталям.

И я вдруг понимаю, что не могу сопротивляться. Не потому, что хочу секса, а потому, что если начну сопротивляться, придётся объяснять почему. А объяснять я пока не готова. Потому что не знаю правды. Потому что моя профессиональная гордость не позволяет делать выводы без достаточного количества данных. Социолог без данных — всё равно что повар без продуктов: можно, конечно, сварить суп толь-

ко из лука, но есть его придётся с огромным трудом.

Полевое исследование, думаю я, когда Тихон ведёт меня в спальню. Сбор первичных данных методом включённого наблюдения. Я погружаюсь в среду. Я изучаю поведение объекта в естественных условиях. Это не секс, это наука. Наука, мать её.

В спальне пахнет сиренью. Без примесей. Никакого чужого парфюма, только наша сирень. Или это сирень так старается, перебивая все запахи? Спасибо сирени.

Тихон нежен. Иногда он бывал грубоват, но сегодня удивительно нежен, как будто чувствует, что мне это нужно. Или как будто отрабатывает программу «идеальный муж». Или как будто у него заговорила совесть. Или он просто хочет секса и делает это хорошо. Не усложняй, Ванда.

Есть ли у него совесть? Если есть, то как он может? А если нет, то зачем ему эта нежность?

А потом я думать перестаю. Потому что тело включается быстрее головы. И это самое обидное. Голова кричит: «Он, возможно, только что из постели другой женщины!», а тело отвечает: «Мне всё равно, я тут вообще за расслабление». Тело — предатель. Тело не читало детективов и не знает, что такое рефлексия. Тело просто живёт своей жизнью, и плевать ему на моральные дилеммы.

После лежим рядом, и Тихон гладит меня по плечу.

— Хорошо, — говорит он. — Давно так хорошо не было. Давно — это когда? До Раисы? Или между Раисой? Или

он вообще про что-то другое? Может, у него был тяжёлый день, а тут я такая...

— Ммм, — мычу я, делая вид, что засыпаю.

Жду. Жду, когда он заснёт. Через полчаса его дыхание становится ровным. Открываю глаза, лежу ещё немного для верности, потом осторожно выскальзываю из-под одеяла. Медленно, как сапёр на минном поле. Одно неловкое движение — и всё, операция провалена.

Телефон Тихона лежит на тумбочке. Беру его, как брала сотни раз за двенадцать лет. Раньше у меня был доступ ко всему. Он сам дал пароль в первый год брака, сказал: «Мне скрывать нечего». Я редко проверяла. Не потому что доверяла, просто лень. Лень — лучший страж семейного спокойствия.

Теперь пароль не подошёл.

Пробую ещё раз. Ещё. Комбинации дат, имён, простые последовательности — всё мимо. Экран остаётся непроницаемым, как покер лицо.

Телефон заблокирован.

Кладу его на место, ложусь и пялюсь в потолок. В темноте потолок невидим, но я знаю, что он там есть. Как правда, которая есть, но которую не видно. И которая, возможно, рухнет мне на голову в самый неподходящий момент.

Когда он сменил пароль? На прошлой неделе? Вчера? Сегодня? И главное — зачем?

Ответ очевиден. Настолько очевиден, что даже мой про-

фессиональный скептицизм не может придумать альтернативу. Пароли меняют, когда есть что скрывать. Это аксиома. Как то, что зубы растут во рту. Фи!

Или когда просто надоел старый пароль. Но Тихону никогда ничего не надоедает. Он человек привычки. Двенадцать лет один и тот же пароль — и вдруг сменил.

Совпадение? Не думаю. В моём деле совпадениями называют то, что не хочется расследовать.

Я — исследователь. Я изучаю паттерны. Я замечаю детали. Я найду ответ. Просто нужно время. Время — лучший детектив. Оно всегда находит правду, даже если правда очень хорошо прячется.

Закрываю глаза. Рядом ворочается Тихон, притягивает меня к себе во сне. По-хозяйски. Собственнически. Как будто я его вещь. Или как будто боится меня потерять. Или как будто ему сказали играть роль любящего мужа, и он так хорошо вошёл в образ, что даже во сне не выходит из роли.

Засыпая, слышу голос Виктора: «Надо их спасти от идиотизма. Или убить». И свой собственный ответ: «Два дня. Ничего не предпринимай».

Два дня. Сорок восемь часов. Тьма времени для того, чтобы всё разрушить. Или чтобы всё понять.

Тьма времени. Красивая фраза. Я запомню её. Может, пригодится для следующего отчёта рестораторам.

Посмотрим.

А пока — спать. Потому что завтра будет тяжёлый день.

День полевых исследований.

Но перед тем, как провалиться в темноту, я всё-таки отмечаю: плакать почему-то хочется гораздо сильнее, чем смеяться. Наверное, это такой жанр. Жизнь, мать её.

Глава 3. Новость

Утром всё идёт своим чередом. Вселенная продолжает расширяться.

Зарядка. Тихон голый отжимается на ковре в спальне, пыхтя и выкрикивая всякую несуразицу. Избавляется от информационных шлаков. С непривычки можно подумать, что мужик не в себе, но я привыкла к его причудам. Сегодня он превзошёл самого себя. Орёт так, что мне пришлось закрыть окно, чтобы соседи не делали неправильных умозаключений о психическом здоровье моего мужа.

Вниз в спорт зону ему идти было лень.

Делаю растяжку, краем глаза наблюдая, нет ли на его спине следов от когтей Раисы. Следов нет.

Завтрак. Яичница, тосты, авокадо, брынза, кофе. Тихон читает новости в телефоне, я читаю его лицо. Ничего. Сплошная благодать.

Перед уходом он щиплет меня за задницу — ритуал, и целует в щёку.

— Вечером надо повторить, — подмигивает Тихон. — Вчера было круто.

— Обязательно. Запиши в расписание, чтобы не забыть.

Он смеётся, не уловив иронии. Или уловив, но решив не подавать вида. С Тихоном никогда нельзя понять наверняка. В этом, собственно, и проблема. То есть особенность харак-

тера.

Дверь закрывается. Жду минуту, другую, потом иду к окну и смотрю, как его машина выезжает со двора. Чёрный внедорожник. Надёжный, как танк. И такой же непрошибаемый.

Набираю Виктора.

— Доброе утро, — произношу приветствие тоном, каким разговаривают с людьми, которые вызывают раздражение. Хотя очень стараюсь быть нейтральной. — Как обстановка?

— Спит, — голос Виктора звучит так, будто он сам не спал всю ночь. — Я всю ночь караулил.

— Ты совсем уже, — совсем свихнулся. — Иди поспи.

— Не могу. Она во сне улыбалась.

— Во сне?

— Она улыбалась и шептала что-то.

— Виктор, послушай меня внимательно. Ты обещал два дня сидеть тихо, помнишь? Не сходить с ума. Улыбки во сне — это не доказательство. Я сегодня кое-что проверю. Если что-то найду — скажу. А ты пока... почитай книгу. Или поиграй в футбол какой-нибудь. Только не в казино.

— Я не играю уже три дня, — обиженно говорит Виктор. Голос у него такой, будто он ждёт медаль за воздержание.

— Горжусь тобой. Держись.

Отключаюсь и смотрю на себя в зеркало в прихожей. Из зеркала смотрит женщина с решительным лицом и лёгкими кругами под глазами. Круги под глазами — это такой мой профессиональный аксессуар.

— Ну что, Ватсон, — говорю своему отражению. — Поехали!

Гостиница «Беседка» находится в сорока минутах езды от «Дельфина», в сосновом бору. Место пафосное, но со вкусом. Никакой тебе золотой лепнины и хрустальных люстр. Минимализм, дерево, стекло, много света. Архитектор явно вдохновлялся скандинавским стилем и большими деньгами заказчика.

Припарковалась на гостевой стоянке, где рядом с моим скромным седаном стоят огромные кичливые машины, чувствующие себя здесь как рыбы в воде. Мой седан, кажется, смущается и хочет уехать. Я его понимаю.

Сама гостиница представляет собой трёхэтажное здание, спроектированное так, чтобы казаться органичным продолжением леса. Стены из светлого камня, огромные панорамные окна, на крыше — зелёные насаждения. Внутри пахнет деревом, кофе и достатком.

Ресепшен напоминает стойку регистрации в дорогой клинике — всё стерильно, красиво и немного пугающе. За стойкой стоит девушка с лицом фотомодели и улыбкой, от которой веет арктическим холодом.

— Добрый день, — здороваюсь, приближаясь. — Я могу поговорить с администратором?

— Я администратор, — отвечает девушка, не меняя выражения лица. Её взгляд профессионально скользит по моей одежде, оценивая, стоит ли тратить на меня время. Решает,

что стоит. — Чем могу помочь?

— Мне нужно кое-что узнать, — незаметно, помня о камерах, кладу на стойку купюру. Девушка даже не моргнула. Видимо, купюра маленькая.

— Я слушаю.

Добавляю ещё одну. Эффект нулевой. Девушка смотрит на меня как на насекомое, которое пытается договориться с пауком.

— Конфиденциальность гостей — наше главное правило, — говорит девушка голосом робота. — Я не могу...

— Понятно, — перебиваю её, добавляя третью купюру. — Просто посмотришь в базе. Мне нужны двое. Тихомиров и Гуськова. Может, останавливались вчера или позавчера.

Администратор смотрит на деньги. Потом на меня. Потом снова на деньги. В её глазах происходит внутренняя борьба между корпоративной этикой и желанием купить те самые туфли, на которые она смотрела вчера в торговом центре. Туфли, судя по всему, победили. Корпоративная этика пала. Красивая быстрая смерть.

— Подождите в ресторане, — говорит она, сгребая купюры в ящик стола. — Я посмотрю и подойду.

Ресторан находится справа от входа. Тоже всё красиво: столики у окон с видом на лес, мягкий свет, тихая фортепьянная музыка из невидимых динамиков. Кто-то играет джаз.

Сажусь за столик у окна, заказываю кофе. Посмотрев в

мению, чуть не поперхнулась от его стоимости. Осилю, конечно, просто сам факт. Это даже не кофе с коньяком, это просто кофе. В моём понимании, кофе не может столько стоить, если только его не подаёт голый бармен с шестью кубиками пресса. Но голого бармена не наблюдается, только девушка-бариста с равнодушным лицом. Наверное, это плата за вид на сосны. Сосны, кстати, неплохие. Но не настолько.

Через десять минут появляется администратор. Уже без улыбки, но с лёгким румянцем на щеках. Видимо, туфли уже мысленно были куплены, и теперь она их мысленно же надевает и ходит по этому ресторану, чувствуя себя королевой.

— Таких нет, — говорит она, останавливаясь у столика. — Проверила за месяц. Ни Тихомиров, ни Гуськова у нас не останавливались.

— Точно?

— Я же проверила, — в голосе девушки мелькает раздражение. Она, вероятно, думает: «Эта баба меня от работы отвлекает, а туфли всё равно уже мои, но надо доработать». — Без паспорта мы не селим. А в базе их нет. Если хотите, можете сами посмотреть, — она усмехается, намекая, что это невозможно. Усмешка у неё такая же холодная, как и улыбка.

Киваю. Администратор уходит, унося с собой надежду на быстрое раскрытие дела. Надежда, как и кофе, остывает.

Остаюсь одна с ощущением, что зашла в тупик. Если они не брали номер, значит, Тихон говорил правду про встречу с подрядчиком? А запах? А пароль в телефоне? А улыбки

Раисы во сне? А моя интуиция, которая сейчас сидит в углу моего сознания на маленьком табурете и шепчет: «Не там ищешь.»

Пасьянс не сходится. Карты ложатся неправильно. Или я их неправильно тасую.

Уже собралась уходить, когда подходит официант — молодой парень с умным лицом и руками, которые явно помнили времена, когда они держали не подносы, а книги. Студент подрабатывает. Я таких за версту чую. Они все одинаковые: умные, без копейки в кармане и немного циничные. Им есть что терять, но не очень много.

И тут меня осеняет.

— Молодой человек, — зову я парня. — Можно вас на секунду?

Официант подходит, профессионально улыбаясь. Улыбка у него такая же ненастоящая, как счастье на фото в соцсетях.

— Слушаю вас. Что-то ещё заказать?

— Нет, — достаю из кошелька пять тысяч рублей и кладу на стол. — Я хочу спросить.

Официант смотрит на деньги. Потом по сторонам. Потом снова на деньги. Ресторан почти пуст — пара столиков в дальнем углу, бармен занят коктейлями. Официант быстро, почти неуловимо, накрывает купюру салфеткой и убирает в карман форменных брюк. Движения отточены. Не первый раз. Привалило. Нежданно-негаданно.

— Слушаю, — говорит он уже другим тоном — заговор-

щицким, конспиративным, почти шёпотом.

Достаю телефон, открываю фотографию Тихона, свежую, где он улыбается в камеру примерно месяц назад. Мы тогда во дворе шашлыки жарили. Он был в хорошем настроении. Может, уже тогда думал о Раисе? Или о подрядчике?

— Этот мужчина бывает здесь?

Официант смотрит, чуть прищурившись, и кивает. Кивает так спокойно, сомнений нет. А у меня внутри в этот момент всё рушится.

— Да, был пару раз в мою смену. Приезжал на обед.

— С кем? — чувствую, как начинаю волноваться. Голос становится ниже. Я не узнаю свой голос.

— С женщиной, — официант задумывается. — Блондинка. Короткая стрижка. Дорого одевается, но какая-то... нервная, что ли. Всё время оглядывается. Он спокойный, она дёрганая.

Открываю фото Раисы. То, где она на корпоративе, в красном платье в облипку, с бокалом шампанского. На фото она смеётся.

— Она?

Официант присматривается. Долго. Время растягивается, как жвачка на жаре.

— Да, она. Только здесь она с длинными волосами. А приезжала с короткой стрижкой. Недели две назад подстриглась, я запомнил. Она ещё спрашивала, нравится ли ему. Он сказал — «очень сексуально».

Последнюю фразу официант произносит с лёгким отвращением. Видимо, он невысокого мнения о богатых мужиках, которые говорят «очень сексуально» своим любовницам при посторонних. Другое поколение.

— Спасибо, — говорю механически. — Вы очень помогли.

— Обращайтесь, — официант уже собирается уходить, но задерживается. — Только... вы это... не говорите никому, что я рассказал. Меня уволят.

— Не скажу.

Он уходит. Я сижу, глядя в окно на сосны. Красивые сосны. Зелёные. Равнодушные. Им плевать на мою драму. У них свои дела: фотосинтез, корни, белки с шишками.

Что-то не так.

Если они любовники, почему они светятся в ресторане? Почему не заказывают номер? Почему Тихон — прагматик до мозга костей, который даже в туалет ходит по расписанию, — рискует и таскает любовницу в место, где их могут увидеть?

Это на него непохоже.

Совсем не похоже.

Если бы Тихон хотел Раису, он бы завалил её в первый же день, снял бы номер где-нибудь подальше, и пообедали бы они там же, заказывая шампанское и устриц. Он человек дела, а не бестолковых обедов с видом на сосны.

Значит, обед — это не прелюдия.

Значит, обед — это самоцель.

Но зачем?

Включаю профессиональный режим. В голове начинает работать механизм, который обычно включается при разборе сложных кейсов. Механизм шуршит, как старый жёсткий диск, но работает.

Что мы имеем?

Двое женатых людей.

Они встречаются в дорогом ресторане в будни.

Не скрываются — официант их запомнил, стрижку запомнил, комплимент запомнил.

При этом не снимают номер в гостинице.

Варианты, которые предлагает мой внутренний аналитический отдел:

Что может быть между мужчиной и женщиной, если они не трахаются?

Дружба? Тихон не дружит с женщинами. У него нет подруг. Он считает, что мужчина и женщина не могут быть друзьями, потому что «биология всё равно возьмёт своё».

Бизнес? Какой бизнес может быть у Тихона с Раисой? Раиса никто, жена его партнёра, домохозяйка с маникюром. Она не принесёт ему контрактов.

Шантаж? Раиса что-то знает о Тихоне и требует встреч?

Тогда почему она дёрганая, а он спокойный?

Тайный проект? Раиса работает на кого-то? Слишком сложно.

— Девушка, с вами всё в порядке? — голос официанта выводит меня из ступора. — Вы уже полчаса смотрите в одну точку.

— Всё отлично. Просто размышляю.

— О чём, если не секрет? — вообще-то, парень излишне осмелел.

— О том, что самый сложный объект для исследования — это собственная жизнь.

Официант понимающе кивает. Философ.

— Могу принести успокоительное, — предлагает он. — У бармена есть отличный травяной сбор.

— Лучше принесите счёт.

По дороге к машине прокручиваю в голове разговор с официантом. Они встречаются в ресторане. Обедают. Разговаривают. Она нервничает, но приходит снова.

Что это?

Любовь? Но тогда где секс?

А что, если секс был, но не здесь? Что, если это место — просто точка сбора, а сам процесс происходит в другом месте? Например, у них есть квартира, которую они снимают. Или они ездят за город. Или...

Или они вообще не любовники.

Или они что-то замышляют.

Против меня? Против Виктора? Против кого?

Мне нужно больше данных. Больше, чем просто «они обещали». Мне нужно понять, что происходит. Потому что если это не измена, то это что-то другое. А другое может быть опаснее. Измена — это понятно. Это про страсть, про гормоны, про «закружило-унесло». А если это не измена, то это про что-то, что я не понимаю. А то, что я не понимаю, пугает меня больше, чем то, что я могу представить.

Сажусь в машину. Трогаю. Руки на руле дрожат. Или нет? Я проверяю. Дрожат. Чуть-чуть.

— Ладно, — говорю вслух, въезжая во двор. — Будем копать дальше. День первый в разгаре. Ещё есть время.

Пискнул телефон. Сообщение от Тихона: *«Скучаю. Вечером буду пораньше».*

«Скучаю». Два часа дня. Он скучает. Или пишет, что скучает. А может, действительно скучает?

Печатаю: *«Тожe скучаю. Жду».*

На часах половина третьего. Председатель «Дельфина» наверняка у себя. Надо успеть с ним переговорить про взносы и по газу. Тихон всегда сваливает эти вещи на меня. «У тебя лучше получается с людьми, ты же социолог». Перевод: «Я не хочу в это ввязываться, дорогая, разберись сама, ты же умная». Спасибо, дорогой. Я разберусь. Я разберусь со всем.

Заодно надо немного поводить носом, если кто попадётся. Раиса и Виктор живут на другой аллее, ближе к озеру. Я не против, если бы случайно встретила Раю у председателя, не

специально, а именно случайно. Случайно, но с чётким планом. Это называется «организованная случайность». В моей профессии это называется «полевое исследование». В жизни это называется «я хочу посмотреть ей в глаза».

Хотела поехать на машине, но в конце концов решаю прогуляться и потратить минут сорок на всё про всё, чтобы отвлечься и вернуться к размышлениям об измене мужа с новыми силами. Пешие прогулки полезны для здоровья. И для расследования. И для того, чтобы случайно встретить Раису у председателя. Случайно. Совершенно случайно.

Как только вышла на главную аллею, опять натыкаюсь на Митюхину с её красной косынкой.

— Хеллоу, Ванда! — Митюхина еле сдерживается. Её распирает от какой-то сногсшибательной новости. Она буквально светится. Если бы не косынка, её можно было бы принять за лампочку.

Я даже не успеваю поздороваться, как слышу слова, от которых тут же пробивает холодный пот. Холодный пот — это такой защитный механизм, чтобы не перегреться от шока.

— Слышала, Скорая приезжала к Гуськовым? — спрашивает Митюхина с горящими глазами.

Мир замирает. Сосны перестают шуметь. Где-то вдалеке собака, которая лаяла всю дорогу, вдруг замолкает. Даже Митюхина, кажется, перестаёт дышать в ожидании моей реакции.

А я стою и чувствую, как внутри что-то обрывается.

Виктор.

Все ниточки, которые я пыталась распутать с сегодняшнего утра, вдруг сплетаются в один тугий узел.

И этот узел сейчас у меня в горле.

Глава 4. Версии

— Что случилось? — спрашиваю чуть ли не шёпотом.

— Семейная ссора. Подрались.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.